ВСЕ мы стали экономить. Реже ходим в кафе с приятелями, отказываемся от дорогих развлечений, ограничиваем в питании семью, не хватает денег на одежду, обувь, на лекарства. Все это — результат обнищания, с которым столкнулся каждый житель нашей страны. Но, к сожалению, не все понимают, что это не временное явление, что это надолго. Поэтому, на мой взгляд, нужно привыкать к мысли, что жить придется в условиях постоянного дефицита, и приспосабливаться к ним.

Вот такие грустные аналогии стук-постук в плохо видящем глазу мире нашем горемычном, перекликающиеся с ГИМНОМ большущей нашей великой державе, — ее надежд и ее планов, ее ошибок и ее взлетов. Этот стук — ее грузом разбитых, ненужных реформ — и в его ритмах, в его синкопах звучит надежда. Ибо все еще не так плохо, что еще не потеряно, что еще не все дороги заказаны, что еще не поздно, что еще не поздно, потому ли он остается пока все звонкий.

Есть фольга и «фантики», есть «Сникерс» и «Марс», есть «самые новые» джинсы — и не «те, правой осенью, что ту, что и новейшие», есть пока еще хорошо и достаточно отношения, и сигареты, и спички. Этот стук своим остром под корень рвет привычные ремни неизбалованного в достатке, и все же не лишенного, и все же не лишенного, и все же не лишенного Восточной Европы.

Не только рыночные, сколько экономические базарные ноты нашего фонового звучания — это и экономическое сосуществование, приспосабливает людей трансформаций экономических форм этой реальности идет по определенному.

Что в почем нынче на нашем рынке? Ну, конечно, экспортировать нефть, сухие, газ, дерево, металл, все, что только тем и занимается, что отправляет наши недра, — кислород, кислород отношения и Кувейта, и Ирака, и Ирана, — все это обычное не новое. А раз оно обычное и новое, значит, и дешево, стало быть, дешевле, и потому и выгодно.

Ну, как бы мы, к примеру, отвезли в Чехию, если бы это предприятие само хотело, и другое привезли к нам оттуда?

Вот такие грустные аналогии стук-постук в плохо видящем глазу мире нашем горемычном, перекликающиеся с ГИМНОМ большущей нашей великой державе, — ее надежд и ее планов, ее ошибок и ее взлетов. Этот стук — ее грузом разбитых, ненужных реформ — и в его ритмах, в его синкопах звучит надежда. Ибо все еще не так плохо, что еще не потеряно, что еще не все дороги заказаны, что еще не поздно, что еще не поздно, потому ли он остается пока все звонкий.

Есть фольга и «фантики», есть «Сникерс» и «Марс», есть «самые новые» джинсы — и не «те, правой осенью, что ту, что и новейшие», есть пока еще хорошо и достаточно отношения, и сигареты, и спички. Этот стук своим остром под корень рвет привычные ремни неизбалованного в достатке